

РОССИЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ: ОПТИМИЗМ НАДЕЖД И ТРЕВОГА СКЕПТИЦИЗМА

Для жизнеобеспечения населения той или иной численности необходимо осуществить в соответствующем объеме производство требуемых ресурсов. Примем в качестве достаточного объема такое количество ресурсов, которое обеспечивает выживание населения в полном объеме, что означает проживание всеми индивидами своей жизни с продолжительностью, возможной лишь при наиболее благоприятных условиях. В свою очередь, для осуществления такого производства требуется определенная численность населения, позволяющая обеспечить, по крайней мере, режим простого воспроизводства. Однако численность такого гипотетического населения оказывается большей, чем та фактическая численность, которая была задана в качестве исходного элемента системы “население – производство”. Т.е. фактическое население общности, рассматриваемой в ее существовании исключительно на своей собственной ресурсной базе, всегда остается недостаточным для осуществления общественного производства на уровне, необходимом для обеспечения его выживания в полном объеме. Следовательно, с другой стороны, фактическое население общности всегда остается избыточным по отношению к массе производимых им ресурсов жизни.

Реальное производство в общности осуществляется ее фактическим населением и при любом типе материально-технического развития оказывается недостаточным для выживания этого населения в полном объеме. Однако для расширения производства необходим рост населения, а для роста населения необходимо расширение производства.

Отмеченное выше противоречие между объемом производства и численностью народонаселения находит свое разрешение во взаимодействии лидирующих и отстающих общностей, где недостаточность производящего населения лидирующих общностей компенсируется избыточностью населения отстающих общностей, жизненные ресурсы которых (естественные и произведенные, в том числе демографические) перекачиваются в лидирующие общности.

Лидирующей, благополучной общности присущи передовая техника и технология, их обеспечивают передовая наука и образование, высокая эффективность деятельности высококвалифицированных людей обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жилье, транспорт, медицина, отдых) и надежной защищенностью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. Все это в своей совокупности означает способность общности эффективно (выгодно для себя) взаимодействовать с другими общностями, осуществлять обусловленный неравенством уровней технологического развития обмен неравными стоимостями.

В ходе цивилизационного развития подготовительный предпроизводственный и завершающий послепроизводственный периоды человеческой жизни необходимо увеличиваются. Но хорошее образование и достаточное пенсионное обеспечение – привилегия богатых стран. Уравнительская система, обеспечившая советские достижения в этих областях, исторически быстро исчерпала свой ресурс. Пропасть между передовыми и отсталыми странами углубляется в том числе и за счет разницы поколенческой структуры населения. С одной стороны, в богатых странах увеличивается продолжительность проживаемой человеческой жизни, увеличивается масса социально зрелого населения, вырабатывающего и накапливающего основной объем всех видов необходимой информации. С другой стороны, в бедных странах основная масса населения не может дожить до зрелого возраста, поколения быстро сменяются без необходимой преемственности социального опыта, а неизбежное старение населения богатых стран при увеличении продолжительности жизни компенсируется иммиграцией наиболее способной и образованной молодежи из бедных стран. В итоге единый, как и природа, интеллектуальный ресурс распределяется неравномерно и все более концентрируется отдельными общностями. Таким образом, независимо от уровня материально-технического развития народонаселение остается главным ресурсом существования общества, и до сих пор этот ресурс оказывается в распоряжении технологически более развитых стран как нечто готовое, как данное самой природой.

Глобализация общественной жизни ведет к переструктурированию общностей таким образом, что лидирующие общности принимают наиболее продвинутых представителей менее развитых общностей и становятся для них своими. Старая общность (родина) остается своей по культурным, религиозным, языковым и другим признакам. Новая общность становится своей на основе более высокого, привилегированного положения по отношению к предыдущему (подобно перемещению из деревни в город как из одной общности в другую). Это позволяет рассматривать глобализацию как всеобщую мировую урбанизацию.

С одной стороны, идет процесс нарастания социальной энтропии: свободное передвижение товаров, услуг, финансов, информации, рабочей силы и т.д. Но, с другой стороны, все это имеет своим результатом концентрацию самого передового, самого лучшего в одних местах и деградацию, опустошение других мест. Либерализация жизни на уровне индивидов обеспечивает концентрацию наиболее дееспособного населения в лидирующих общностях, составляющих центр глобального мира. Следовательно, глобальный мир, как система взаимодействующих и взаимозависимых общностей, глубоко дифференцирован и на этом структурном уровне не может быть демократическим.

Крайний вариант сырьевой ориентации производства предполагает численность населения, достаточную, во-первых, для осуществления самого процесса добычи и транспортировки сырья, во-вторых, для

функционирования обслуживающего комплекса, куда входят необходимая инфраструктура, подготовка кадров, здравоохранение, развлечения, охрана и т.п. Промышленное производство, в том числе военное, сельское хозяйство, транспортное машиностроение и многое другое оказывается ненужным, продукты такого производства можно купить. Соответственно, при подобном способе жизни оказывается достаточной треть нынешнего населения России. О ее независимости в этом случае речи не идет.

Другой крайний вариант требует комплексного индустриального развития, обуславливающего экономическую и военную безопасность, возможность полного самостоятельного обеспечения. По такому варианту развивался Советский Союз, располагавший достаточными ресурсами для относительно замкнутого существования в определенный исторический период. Но для его реализации Россией имеющегося населения явно недостаточно. Более того, Россия характеризуется своеобразной демографической аномалией. Демографическое поведение населения такое же, как в передовой, просвещенной высокоразвитой стране, а уровень жизни, как в отсталой, развивающейся. Россия унаследовала от умеренно обеспеченной жизни непомерно большую массу людей, успевших дожить до старости и сдерживающих ее социальную динамику. В развивающихся странах с их параллельно высокой рождаемостью и смертностью население в основном молодое. В передовых странах коренное население намного более старое, но там высокий уровень молодежной иммиграции. Население России в значительной мере пополняется ветеранами и убывает молодыми, высокообразованными специалистами.

Однако при неизменности существующего положения дел основная масса людей, оказавшихся лишними в производстве и не имеющих достаточной социальной поддержки, обречена на вымирание: индивидуально – в различной форме и в разные сроки, но в целом – в критически короткий интервал времени. Народонаселение, как элемент целостной общественной системы, закономерно придет в соответствие с материально-технической и социальной системами. Одновременно снижение рождаемости, усиливаемое сокращением продолжительности предстоящей жизни, приведет к очередному этапу старения населения и последующему снижению его численности. Нет нужды доказывать, что вместе с “уходом” людей “уйдут” и определенные проблемы социального характера. В этом смысле совершенно ясно, что реформы необратимы – их результатом будет совершенно другая страна.

Но ясно также и другое – вместе с уменьшением массы людей будет уменьшаться и их способность к удерживанию занимаемой территории, которая неизбежно сократится в соответствии с конфигурацией линий разлома, уже очерченных линиями национального и регионального сепаратизма и дополненных контурами внешних территориальных притязаний. Что окажется в остатке – нельзя предсказать, но можно разве что угадать.

Демографический кризис в России имеет ярко выраженные социальные основания: это социально-экономический, социально-политический и социально-культурный кризис, – это кризис семьи как первичного социального элемента (ячейки общества). В общечеловеческом плане причиной является атомизация общества, когда индивиду становится не нужна семья в качестве средства его существования, в первую очередь, не нужно общее хозяйство. Остается брачный сексуальный союз, побочным продуктом которого оказываются дети, будучи издержками любовных отношений и, соответственно, выбрасываемыми в буквальном и переносном смысле.

Материальное поощрение брачной рождаемости (финансовое и жилищное), с одной стороны, расширяет необходимую базу для рождения детей, но, с другой стороны, провоцирует иждивенческие настроения, а также комбинаторские устремления падких на легкую наживу людей.

Мода на детей не увеличит рождаемость, ибо рождение и воспитание детей должно быть объективной потребностью. Наследование имущества перестало быть фактором рождаемости, как это было, например, в феодальном обществе. Здесь действуют два главных фактора:

1) Социальная ответственность родителей за детей, их способность обеспечить детям тот же самый, что и для самих себя, или более высокий уровень существования, достигаемый, прежде всего, с помощью образования.

2) Социальная престижность рождения детей, наличие высокого социального статуса родителей, предоставляющего больше возможностей в получения общественного ресурса.

Такое соединение факторов возможно только в лидирующих общностях. Кроме того, оно усиливается способностью принимать молодое перспективное пополнение из отстающих общностей, за счет чего лидирующие общности получают дополнительный демографический и одновременно интеллектуальный ресурс наряду с сырьевыми ресурсами.

В своем единстве российские национальные проекты выражают стремление интенсифицировать производство человеческого ресурса как первичного условия существования общности. Территория и необходимые природные ресурсы имеются в достаточном количестве. Однако по вопросу о реальности и эффективности национальных проектов основания для оптимизма и пессимизма равноценные.

После распада СССР Россия на какой-то период неизбежно оказалась в одиночестве в том смысле, что исчезли идеологические основания общности, а “свой” и “чужие” сразу не могут определиться. Возникает необходимость самоидентификации и социальной ориентации. Главное осложнение в этой неопределенности – внутренний разброд, борьба с самими собой. Сейчас России надо срочно определять свой собственный интерес, своих друзей и врагов, пусть даже и в исторически переменном виде, но определенных на текущий момент. Кто друг, а кто враг – определяется не качествами партнеров по социальному взаимодействию, а собственными интересами.

Для современной России главное условие выживания – достижение единения. Речь не идет об общем согласии всех со всеми, а о преобладании какой-то одной идеи, от имени которой можно было бы применять организующее насилие ко всем. В отличие от интернационалистически ориентированного СССР, подразумевается отстаивание собственных интересов, а не мировой революции. Такая идея должна исходить от элиты, которая, однако, не характеризуется определенностью представленности – ни национальной властью, ни национальным капиталом, ни, тем более, средним классом. Российское общество делится на элиту и всех остальных (массу). Эти все остальные не составляют средний класс, первым признаком которого является возможность выжить за счет своей активной деятельности. Понятно, что всегда и везде будут обездоленные, по каким-либо причинам отброшенные на обочину жизни, оказавшиеся крайними. Но в передовом обществе их всегда поддержат, не дадут погибнуть.

Объективно заданной нормативности в обществе нет, нормативность – всегда миф, складывающийся в результате борьбы интересов. В устойчивой социальной системе преобладают устойчивые мифы. А устойчивые системы существуют либо изолированно в природе, либо в качестве лидеров в обществе. Кризис общества выражается, прежде всего, в ломке нормативности. Молодое российское поколение оказалось брошенным в рамках сплошного плюрализма – живи, как хочешь, делай, что хочешь. Здесь работает модель темного пространства с множеством призрачных светлячков, никак не ориентированных. На них обрушивается реклама пива, втягивает наркотическая среда. Абсолютный идеологический плюрализм реально оказывается абсолютной пустотой, отсутствием внешней общественной заданности человеческого поведения. Подростки оказались не у дел, их легко подобрать. Но подбирает негатив, потому что он задает ценности, адекватные естественному существованию: алкоголь, наркотик, секс, агрессия как потребность. У позитива нет средств для того, чтобы подобрать брошенного подростка. Позитив оказывается мифом, а негатив реален. Так что самая главная проблема – установление всеобщей позитивной нормативности.

Нет никакой действенной системы координат. Все понимают, что она нужна, но никто не может обосновать некую определенность. Исторический опыт дал модели царской и советской России. Стало понятно, что религия в качестве идеологии наиболее универсальна, но Россия чересчур дифференцирована в религиозном плане. Нет устойчивых лозунгов, обращенных к молодым. Здесь открывается только один путь – выработка отношения к России как к своей общности, формирование образа своей страны. Эта модель должна быть выше религиозной. Отсюда вытекает светский всеобщий идеал нормативности. В связке “церковь – государство – семья” вместо церкви может быть введено понятие команды. Страна как одна команда, а церкви – разные команды.

Подросток, молодой человек сейчас слышит – живи, как хочешь, в мире нет своих и чужих, ко всем надо относиться терпимо. Но он не хочет

быть со всеми сразу, то есть один, он хочет быть с кем-то определенным. Тяга к обществу не природная, в человеке нет никаких генов социальности. Дело в техносоциальной формуле общества, которая обуславливает борьбу за существование в рамках отношения своих и чужих. Вне действия этой формулы потребность к общности ограничилась бы биологической стадностью, ибо без семьи гоминидам не выжить. Видимо, потому и стали гоминиды людьми. В условиях борьбы за жизнь в одиночку не выжить. Человек нуждается в общности, а общность нуждается в людях. Фундаментально социальное отношение “цель – средство” реализуется через отношение “свои – чужие”.

В глобальном мире главное в борьбе за выживание состоит не в том, чтобы убить и ограбить конкурентов, а в том, чтобы навязать определенные правила игры. Но это главное является предметом бескомпромиссной борьбы, в ходе которой гибнут миллионы. Лидеры стремятся установить нужный порядок любой ценой, но никто не может аргументировано обосновать – какой порядок истинный.

В современной России можно услышать много патриотических и космополитических высказываний. Объективным основанием их оценки является действие техносоциальной формулы общества, без чего борьба этих позиций окажется просто как нечто иррациональное. Соотношение социальной теории и практики таково, что политикам социальная истина не нужна, им нужны средства борьбы за власть.

Последнее тревожное ожидание по поводу национальных проектов характеризуется прозаической простотой: самым разочаровывающим обстоятельством может оказаться то, что весь позитивный результат проектов окажется реализованным преимущественно за рубежами России.